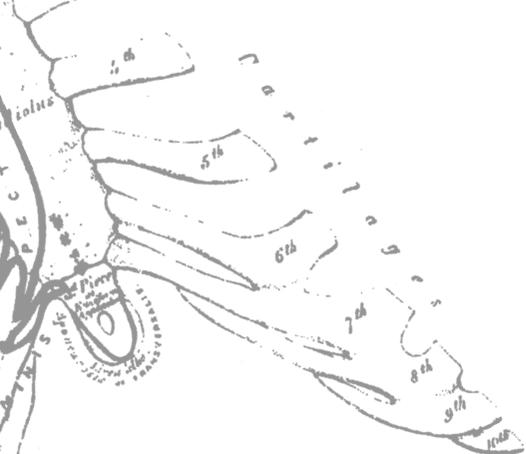

MARILYN

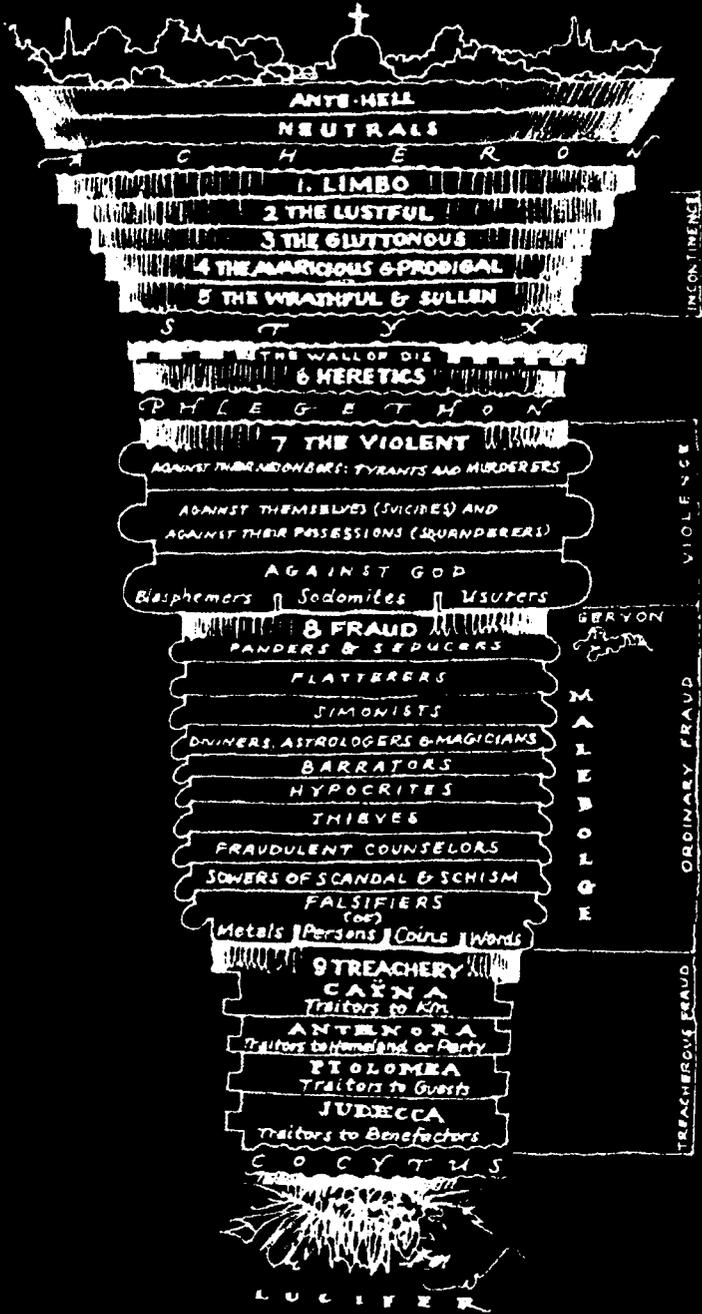
Но однажды,

В ПОРУ БОЛЕЕ СИЛЬНУЮ, НЕЖЕЛИ ЭТА ТРУХЛЯВАЯ, СОМНЕВАЮЩАЯСЯ В СЕБЕ СОВРЕМЕННОСТЬ, ОН ТАКИ ПРИДЕТ, ЧЕЛОВЕК-ИСКУПИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ И ПРЕЗРЕНИЯ, ЗИЖДИТЕЛЬНЫЙ ДУХ, ЧЬЯ НАСУЩНАЯ СИЛА ВЕЧНО ГОНИТ ЕГО ИЗ ВСЯКОЙ ПОСТОРОННОСТИ И ПОТУСТОРОННОСТИ, ЧЬЕ ОДИНОЧЕСТВО ПРЕВРАТНО ТОЛКУЕТСЯ ЛЮДЬМИ, СЛОВНО ОНО БЫЛО БЫ БЕГСТВОМ ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ — ТОГДА КАК ОНО ЕСТЬ ЛИШЬ ПОГРУЖЕНИЕ, ЗАХОРОНЕНИЕ, ЗАПРОПАЩЕНИЕ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ДАБЫ, ВЫЙДЯ СНОВА НА СВЕТ, ОН ПРИНЕС БЫ С СОБОЙ ИСКУПЛЕНИЕ ЭТОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: ИСКУПЛЕНИЕ ПРОКЛЯТИЯ, НАЛОЖЕННОГО НА НЕЕ ПРЕЖНИМ ИДЕАЛОМ. ЭТОТ ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО, КОТОРЫЙ ИЗБАВИТ НАС КАК ОТ ПРЕЖНЕГО ИДЕАЛА, ТАК И ОТ ТОГО, ЧТО ДОЛЖНО БЫЛО ВЫРАСТИ ИЗ НЕГО, ОТ ВЕЛИКОГО ОТВРАЩЕНИЯ, ОТ ВОЛИ К НИЧТО, ОТ НИГИЛИЗМА, ЭТОТ БОЙ ПОЛУДЕННОГО ЧАСА И ВЕЛИКОГО РЕШЕНИЯ, НАНОВО ОСВОБОЖДАЮЩИЙ ВОЛЮ, ВОЗВРАЩАЮЩИЙ ЗЕМЛЕ ЕЕ ЦЕЛЬ, А ЧЕЛОВЕКУ ЕГО НАДЕЖДУ, ЭТОТ АНТИХРИСТ И АНТИНИГИЛИСТ, ЭТОТ ПОБЕДИТЕЛЬ БОГА И НИЧТО — ОН ТАКИ ПРИДЕТ ОДНАЖДЫ...

- *Фридрих Ницше, «К генеалогии морали»*

Посвящается Барь и Хью Уорнерам.

Да прости их, Господи, за то, что принесли меня в этот мир.

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЭВИДА ЛИНЧА

I.

Часть первая: *когда я был червём*

- 13 **1** ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО БОИШЬСЯ
27 **2** ТЕМ, КТО ЛЮБИТ РОК: МЫ ВАМ ПОДВЕСИМ
41 **3** ТИНЕЙДЖЕР-ДИЛЕТАНТ
59 **4** ДОРОГА В АД ВЫМОЩЕНА ХОРОШИМИ ПИСЬМАМИ ОТКАЗА
73 **5** У МЕНЯ С РОЖДЕНИЯ НЕДОСТАЁТ СРЕДНИХ ПАЛЬЦЕВ

II.

Часть вторая: *деформология*

- 89 **6** СТРАШНЕНЬКИЕ МАЛЬЧИКИ
107 **7** ГРЯЗНАЯ РОК-ЗВЕЗДА
117 **8** ВСЕМ ЛЮДЯМ, КОТОРЫЕ НЕ УМЕРЛИ
141 **9** ПРАВИЛА
149 **10** ВСЁ РАДИ НИЧЕГО
173 **11** ИДЁМ СМОТРЕТЬ ВОЛШЕБНИКА
187 **12** ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ, ЧАСТИ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ
209 **13** МЯСИЛОВО С ФАНАТАМИ MEAT AND GREET

ОГЛАВЛЕНИЕ

III.

Часть третья: *откуда у меня крылья*

- 219 **14** ГОСПОДЬ РАЗМЫШЛЯЕТ [СНЫ]
227 **15** АНТИХРИСТ-СУПЕРЗВЕЗДА
255 **16** ПЯТЬДЕСЯТ МИЛЛИОНОВ ВОПЯЩИХ ХРИСТИАН НЕ МОГУТ ОШИБАТЬСЯ
287 БЛАГОДАРНОСТИ
288 ФОТОГРАФИИ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ

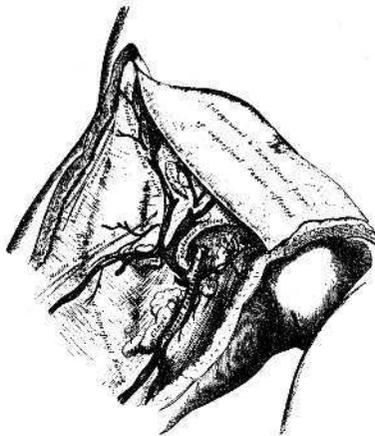

FIG. 56. Femoral hernia. Superficial dissection.

ПРЕДИСЛОВИЕ

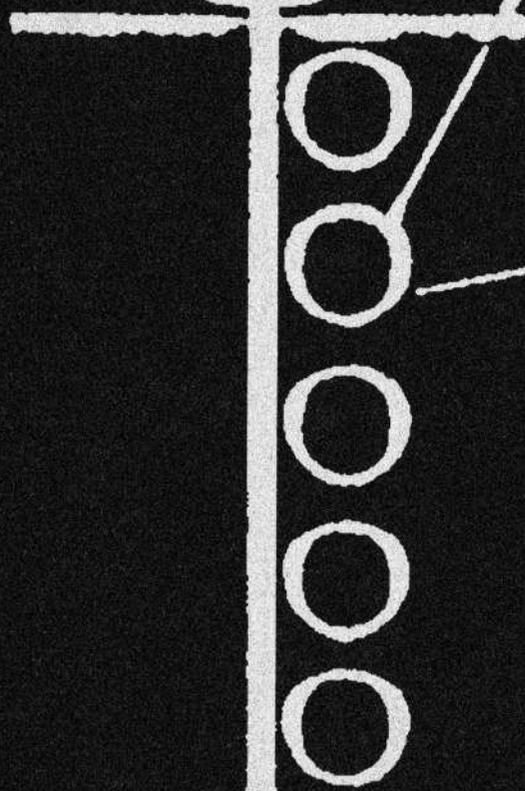
**На улице лицо как из ржавого ведра. И аки из яйца вылутившийся
отпрыск всего человечества выскочил Мэрилин Мэнсон. Сразу стало
ясно: он уже выглядит и звучит — от Элвиса не отличить.**

Дэвид Линч — Новый Орлеан, 2:50 ночи

когда я был червём

ich bin i was a. s.

ЧАСТЬ

I

107371

человек, которого боишься

СРЕДИ ВСЕХ ВЕЩЕЙ, КОТОРЫЕ МОЖНО СОЗЕРЦАТЬ ПОД СВОДОМ НЕБЕС, НИЧТО ТАК НЕ ПРОБУЖДАЕТ ДУХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, НЕ ОЧАРОВЫВАЕТ ЧУВСТВА И НЕ СТРАШИТ БОЛЕЕ, ЧТО ВЫЗЫВАЕТ БОЛЬШЕ УЖАСА И ВОСХИЩЕНИЯ, ЧЕМ ЧУДОВИЩА, УРОДСТВА И ЧУДЕСА, В КОИХ ЗРИМ МЫ ТВОРЕНИЯ ПРИРОДЫ ИЗВРАЩЁННЫМИ, ИЗУВЕЧЕННЫМИ И УСЕЧЁННЫМИ.

- Пьер Бюэлю, «История чудес», 1561

КРУГ ПЕРВЫЙ — ЛИМБ

Ад, думал я в детстве, — это дедушкин погреб. Воняло оттуда, как из общественного туалета, да и грязь такая же. ...бетонный пол усеян бесчисленными пустыми пивными банками, и всё, что там лежало, затянуто плёнкой грязи, которая не смывалась, наверное, с тех пор, когда мой отец сам был ребёнком. Попасть в погреб можно было только по шаткой деревянной лестнице, прикреплённой к грубой каменной стене, так что никто туда и не мог спуститься, кроме деда. Там был его мир.

На стене висела выцветшая красная клизма, и никто её не снимал — знак того, что Джек Ангус Уорнер полагал, и совершенно напрасно, что его внуки не посмеют нарушить границы подвала. По правую руку стоял побитый белый шкаф для лекарств. Внутри — десятки старых коробок с обычными, заказанными по почте презервативами, которые почти уже рассыпались, ржавый ящик с женским дезодорантом, упаковка напалечников, которые врачи надевают для осмотра прямой кишки, и кукла Монах Тук, у которого член вставал, когда на голову нажимаешь. За лестницей висела полка с примерно десятью банками от краски, в каждой из которых, как я позднее обнаружу, лежали по двадцать рулончиков 16-миллиметровой плёнки с порнофильмами. Венчало всё это маленькое квадратное окошко, похожее на витраж, но витраж этот на самом

деле древней грязью нарисован. Глядеть из этого окошка — как из адской темноты.

Из всего, что лежало в подвале, более всего интересовал меня верстак. Старый, грубо сработанный, как будто столетия назад его сделали. Покрывал его кусок оранжевого ковра, чей ворс напоминал волосы Тряпичной Энни, но, правда, уже сильно запачканные инструментами, которые на него много лет клали. У верстака был какой-то странно вмонтированный ящик, всегда запёртый. На стропилах над ним висело дешёвое ростовое зеркало, такое в деревянной раме, которое обычно на дверь ставят. Но оно было приделано к потолку — не знаю уж зачем, могу только догадываться. И вот именно там мы с кузеном Чэдом начали ежедневные и всё более дерзкие вторжения в тайную жизнь моего деда.

Я был тогда тощим веснушчатым тринадцатилетним, с причёской, благодаря ножницам моей матери, под «горшок»; Чэд был тогда тощим веснушчатым двенадцатилетним с торчащими вперёд зубами. Желали мы только одного: стать, когда вырастем, детективами, шпионами или частными следователями. И именно в попытке развить необходимые воровские навыки пришли мы к этому беззаконию.

Поначалу мы хотели лишь незаметно спуститься в подвал шпионить за дедом украдкой. Но как только мы обнаружили, что там хранятся мотивы наши изменились. Нашими вылазками в подвал после школы двигало и желание найти порнографию, чтоб подрочить, и болезненная зачарованность дедом нашим.

Чуть не каждый день мы обнаруживали нечто страннейшее. Росту во мне тогда было не очень много, но если я аккуратно вставал на деревянный дедовский стул, то доставал до пространства между зеркалом и потолком. Оттуда я достал пачку чёрно-белых зоофильских фото.

Это не картинки, вырезанные из журналов, но индивидуально пронумерованные фотокарточки, как будто заказывались по некоему каталогу с доставкой товаров по почте. На этих фотографиях, сделанных примерно в начале 70-х, женщины садились на гигантские конские члены и сосали члены хряков — последние выглядели как мягкие мясные штопоры. Я до того видал и Playboy, и Penthouse, но эти фотографии показались чем-то совсем из другой области. Дело не в том, что они были непристойными. Они отдавали сюрреализмом, ведь эти женщины, пока сосали и трахались с животными, сияли совершенно невиннейшими, детскими улыбками.

Ещё там, за зеркалом, обнаружили фетишистские журналы вроде Watersports и Black Beauty. Мы, вместо того чтоб спереть целый журнал, аккуратно вырезали определённые странички. Потом мы складывали их в крошечные квадратики и засовывали их под крупные белые камни, что отмечали усыпанные галькой подъезд к бабушкиному дому. Годы спустя мы заглянули под камни — картинки всё ещё были там, правда, уже сморщенные, полусгнившие, в червях и улитках.

Однажды осенним днём мы с Чэдом сидели в столовой моей бабушки. В школе в тот день вообще ничего не произошло интересного, и мы решили выяснить, что там в ящике верстака. Моя бабушка Беатрис, вечно одержимая тем, чтоб закормить свой выводок, заставляла нас есть мясной рулет и десерт Jell-О, состоявший по большей части из воды. Бабушка сама — из богатой семьи, и денег в банке у неё было немерено, но она была такой жадной, что растягивала упаковочку Jell-О на месяцы. Носила она чулки длиной до колен, скатанные до лодыжек, и нелепые седые парики явно не по размеру. Мне часто говорили, что я на неё похож, поскольку мы оба худые и узколицые.

В кухне ничего не менялось, пока я там ел её несъедобную еду. Над столом висел желтеющий портрет Папы Римского в дешёвой медной рамке. Рядом на стене — внушительное семейное древо, прослеживающее семью Уорнеров до Польши и Германии, где они звались Ванамакеры. Венчало всё это большое полое деревянное распятие с золотым Иисусом, увядшим пальмовым листом, обёрнутым вокруг, и сдвигаемой верхушкой, в которой стоял фиал со святой водой.

Под кухонным столом располагалась решётка вентиляции, которая выходила как раз в подвал, к верстаку, так что мы слышали, как дед там кашляет и что-то долбит. Он всегда с собой носил портативную бытовую рацию, но сам в неё не говорил никогда, только слушал. Дело в том, что когда я ещё был маленьким, деда прооперировали по причине рака горла, так что я не могу вспомнить, слышал ли я когда-нибудь его нормальный голос, а не хрипы, которые он издавал из-за трахеотомии.

Мы сидели за столом до тех пор, пока не услышали, что дед уходит. Отодвинули мясной рулет, вылили Jell-О в вентиляцию и направились в подвал. Вдогонку бабка кричала нам: «Чэд! Брайан! А ну вычистить тарелки!», — но безуспешно совершенно. Нам повезло, что сегодня она только поорала. Обычно, если она замечала, что мы таскаем еду, возвращаем ей или придуриваемся, нас ставили на колени на щётку метлы